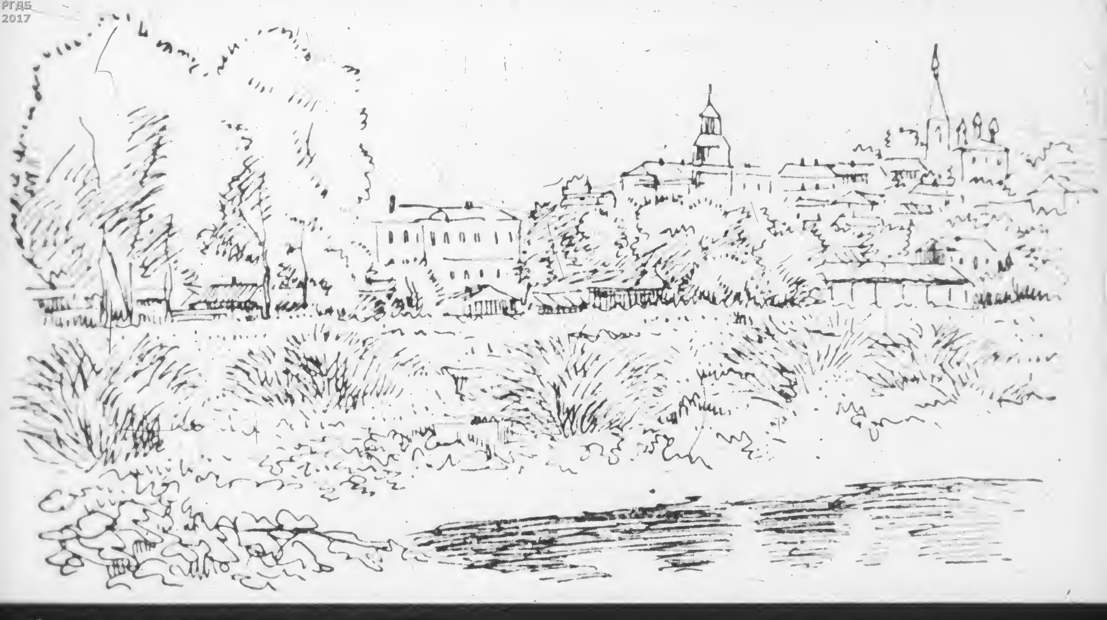

студия
ДИАФИЛЬМ

04–2–063

Книжная графика
Н. В. КУЗЬМИНА

Народный художник РСФСР Николай Васильевич Кузьмин— наш старейший художник книги. В золотой фонд отечественного искусства вошли его иллюстрации к произведениям Пушкина и Гоголя, Лермонтова и Лескова. Не случайно Корней Чуковский назвал Кузьмина „самым литературным из всех наших графиков".

Брала разбег судьба будущего художника в конце минувшего века в провинциальном городишке Сердобске, затерявшемся в глуши Саратовской губернии. Здесь прошло его детство, о котором Кузьмин так поэтично поведал в автобиографической книге „Круг царя Соломона“.

Вот он, Коля Кузьмин, сын захолустного портного, углубился в чтение. Может, это томик Пушкина, а может — книжка о Дорэ или Дюрере. «Как горячи, как обжигающи были эти первые соприкосновения с искусством!» — вспоминает художник.

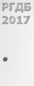

Но, конечно, не только книги питали ум и сердце впечатлительного мальчика. Он вглядывался в замысловатые узоры кружев, которые плела его бабушка Настасья Семеновна...

слушал рассказы матери о житье „при барине“,

смеялся над прибаутками портных, которыми они развлекались за работой.

Разные люди окружали Кузьмина в детстве. Вот дежурные надзиратели училища, штатные шпионы Жмакин и Сыч. Они, как вспоминает Кузьмин, «делали налеты на квартиры... рылись в книгах и вещах, вынюхивали «нелегальщину».

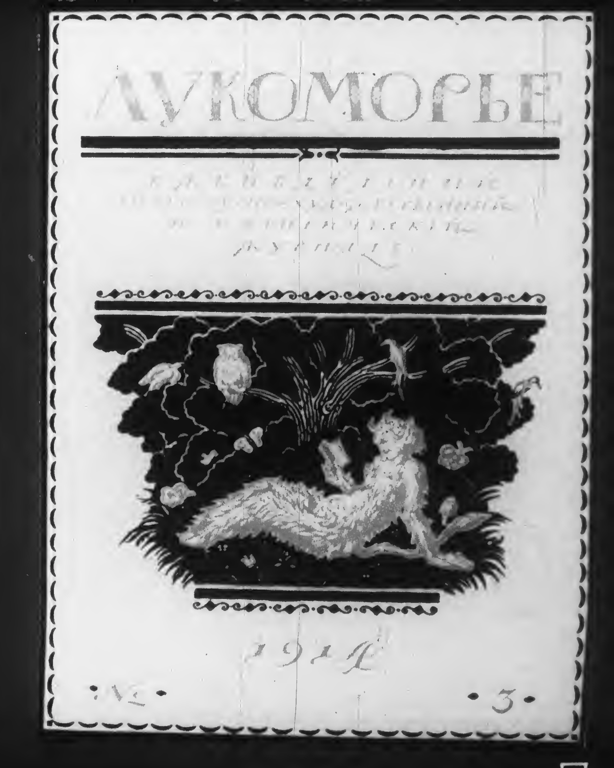

Но были в Сердобске и другие люди, оказавшие верное влияние на юного художника. Это и ссыльный петербургский большевик Федор Антонович—мудрый старший друг, приобщавший провинциального мальчика к мировой культуре.

Это и преподаватель словесности Гурий Степанович Жданович. От него Коля Кузьмин с товарищами получал не только уроки словесности, но и уроки добра, сердечности.

Стремление стать настоящим художником привело Кузьмина в Петербург, в Школу Общества поощрения художеств. Среди его учителей—И. Я. Билибин, один из лучших русских книжных графиков. Влияние Билибина чувствуется в этой обложке для журнала „Лукоморье“ (1914).

Разразившаяся мировая война помешала планам молодого художника. Но и на фронтах империалистической и гражданской войн Кузьмин не оставляет своей мечты. И когда отгремели сражения, он вновь берется за карандаш, перо, краски.

Его думами владеет любимый с детства Пушкин.

В 1933 году выходит „Евгений Онегин“ с иллюстрациями Кузьмина. Пять лет посвятил художник этой работе.

В ноябре 1824 года Пушкин писал своему брату Льву Сергеевичу, посылая набросок рисунка: «Брат, вот тебе картинка для «Онегина»—найди «искусный и быстрый карандаш». Желанный поэту „искусный и быстрый карандаш" нашелся лишь спустя столетие—его обладателем был Николай Кузьмин.

Кузьмин выполнил иллюстрации к „Евгению Онегину“ как бы в темпе пушкинских рисунков, которые оставлял поэт на полях своих черновиков. Но художник не подражал Пушкину, а лишь перенимал стиль его стремительных набросков, воссоздавал приемы его изображения.

Иллюстрируя пушкинский роман в стихах, Кузьмин максимально вживался в эпоху, стремясь ощутить себя как бы современником героев поэта. При всей поэтичности рисунки Кузьмина всегда точны в передаче портретов, бытовых деталей.

Кузьмин проиллюстрировал многочисленные лирические отступления и ремарки, составляющие ткань романа.

„Цветы, любовь, деревня, праздность,
Поля! я предан вам душой“.

Здесь и нежные пейзажные зарисовки...

„Проснувшись рано,
В окно увидела Татьяна
Поутру побелевший двор,
Куртины, кровли и забор,
На стеклах легкие узоры,
Деревья в зимнем серебре...“

и беглые точные образы персонажей.

*„...Приехал и мосье Трике,
Остряк, недавно из Тамбова,
В очках и в рыжем парике“.*

Художник находит соответствующий графический „перевод“ свободного и светлого пушкинского стиха. Вот Ленский, поданный то чуть иронично...

то драматично—но без излишнего нажима.

А вот и сам Онегин:

„Уж темно: в санки он садится.
„Поди! поди!“ раздался крик;
Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротник“.

Кузьмин не дает в полной мере законченных образов персонажей пушкинского романа, оставляя читателю право и возможность самому домыслить облик героев. Татьяна у него—легкий, как бы воздушный образ.

Настоящим героем „Онегина“ Кузьмин изображает самого Пушкина. Художник показывает поэта и в юношеские годы...

„В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал...“

и в годы странствий...

„Я жил тогда в Одессе пыльной...“

и в пору творческой и
жизненной зрелости.

«Рассматривать и читать; перелистывать, останавливаться, возвращаться назад; искать цитаты, к которым относится рисунок; размышлять над той или

иной вариацией его — немногие из иллюстрированных книг давали так много пищи... как кузьминский «Евгений Онегин», — писал профессор А. А. Сидоров.

В 1940 году художник начал работу над циклом иллюстраций к драме Лермонтова „Маскарад“.

Романтическими, тревожными, как стихи Лермонтова, движениями кисти, экспрессией напряженного пера выявляет Кузьмин трагический нерв книги.

Усталый, опустошенный Арбенин...

прекрасная, любящая,
надеющаяся на добро
и любовь Нина...

и баронесса Штраль, твердо знающая, что добра и любви не существует в обществе светской черни.

Следом за „Маскарадом“ Кузьмин выполнил иллюстрации к бессмертной комедии Грибоедова „Горе от ума“.

Галерея типов к монологу Чацкого.

И всегда Кузьмин остается верен своей любви к Пушкину. Вновь и вновь обращается он к образу поэта...

«Пушкин с женой». 1957.

и к его произведениям.

В 1959 году выходит пушкинский „Граф Нулин“ с иллюстрациями Кузьмина.

Не правда ли, он весьма напоминает незабвенного Ивана Александровича Хлестакова, этот глуповатый франт, манерный щеголь?

Чуть более снисходителен художник к жеманнице Наталье Павловне. Легкая тонкая линия рисунка Кузьмина верно и ненавязчиво представляет нам героев пушкинской поэмы.

С подчеркнутым сарказмом рисует Кузьмин глубокомысленного тупицу Козьму Пруткова. К образу причудливого детища А. К. Толстого и братьев Жемчужниковых впервые он обратился в начале 30-х годов.

Прутков и его авторы.

Спустя три десятка лет Кузьмин вновь встречается со своим старым знакомым. Вот как величественно восседает „на берегу моря житейского“ этот „директор Пробирной Палатки“, почитающий себя гением.

Но смех Кузьмина-иллюстратора далеко не однозначен. Полны сарказма его рисунки к гоголевским „Запискам сумасшедшего“.

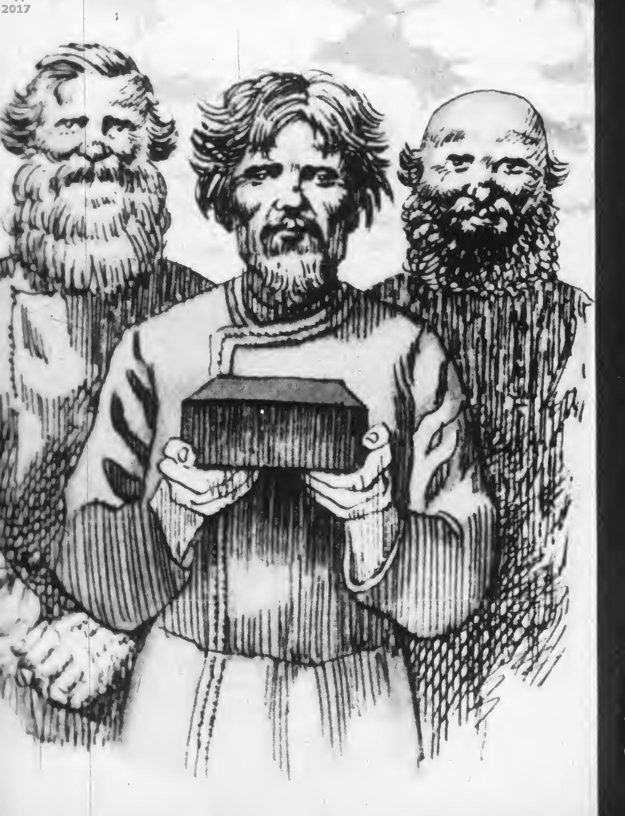

Художник несомненно иронизирует над Поприщиным, возомнившим себя испанским королем...

но он и не скрывает своего сострадания к загубленной жизни маленького чиновника.

Это сочувствие к простому русскому человеку, задавленному порядками царской России, в полной мере звучит и в иллюстрациях Кузьмина к „Левше" Н. Лескова. К. Чуковский писал художнику: «Вы обнажили главную тему: насилие, совершаемое мерзавцами, тупицами и хамами над талантом, над интеллектом, над Гением».

С глубокой симпатией изображает Кузьмин русских чудо-мастеров...

и с презрительной насмешкой—власть имущих. Не случайно подобные работы исследователи творчества Кузьмина относили к жанру „серьезной карикатуры“.

Портретное сходство и одновременно — гротескный шарж, недвусмысленно показывающий отношение художника к своим объектам. Такими предстают перед нами в „Левше“ атаман Платов и Николай I — Николай Палкин, как прозвали его в народе.

Краткие
замысловатые
повести
из „Письмовника"
профессора и кавалера
Николая Курганова

Рисунки Н. Кузьмина

Великий любитель книги, Кузьмин способствовал возрождению для широкого круга читателей „Кратких замысловатых повестей" Николая Курганова—писателя, жившего в XVIII веке.

«Мне показалось заманчивым вернуть из забвения эти достойные внимания миниатюры, в которых так выпукло отразился русский восемнадцатый век — убогий и нарядный, грубый и щепетильный, дикий и изысканный», — писал Кузьмин в предисловии к этой книге.

Остроумно переводя в зрительный ряд кургановские миниатюры, художник иронизирует над своеобразными нравами далекой эпохи и в то же время посмеивается над глупостью и спесью, свойственной людям, к сожалению, во все времена.

Прекрасным знатоком века, давно минувшего, Кузьмин выступает в иллюстрациях к книге пушкинских эпиграмм. Снова — любимый Пушкин, и снова — язвительная сатиричность рисунков.

Вторя поэту, Кузьмин создает убийственно точные и едкие изобразительные характеристики пушкинских мишеней. Презрительную улыбку вызывает в его трактовке „величие“ коронованных персон.

Александр I.

Каждый раз Кузьмин находит оригинальный ход, чтобы показать истинную личину тех, кого клеймил Пушкин своим остро отточенным словом.

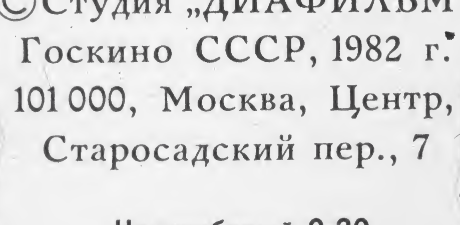
Аракчеев.

Руку Кузьмина не спутаешь—так оригинальны его почерк, приемы, стилистическая манера. Мастер, столь много сделавший для читателя русской классической литературы, заслужил широчайшее признание.

КОНЕЦ

Автор А. ЕРОХИН
Художник-оформитель Е. ЛЕХТ
Редактор Л. ПУШКОВА

Госкино СССР, 1982 г.
101 000, Москва, Центр,
Старосадский пер., 7

Черно-белый 0-20

Д-023-82

